

Владимир Козлов

Владимир Козлов

Lithium

«Автор»

2019

Козлов В. В.

Lithium / В. В. Козлов — «Автор», 2019

«Lithium» – роман о 1990-х. В нем есть криминал, наркотики, капитализм и практически неограниченная свобода. Действие происходит между Питером и Москвой, а история развивается на фоне музыкального андеграунда, попсового шоу-бизнеса, первых рейвов и клубов. В книге присутствует нецензурная брань.

© Козлов В. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Козлов

Lithium

Часть первая

Март – апрель 1995. Санкт-Петербург.

1

Группа рубила грандж. На крошечной сцене едва помещались барабанщик за установкой, басист и орущий в микрофон вокалист-гитарист.

Стены клуба были покрашены в черный цвет поверх плохо отодранной старой краски.

У сцены прыгали несколько потных панков, почти касаясь ирокезами низкого потолка.

Еще десятка три человек стояли чуть дальше, почти все с бутылками пива.

У входа прислонился к стене охранник в форме курсанта МВД. Немолодой волосатый дядька в кожаном жилете поднес ему бутылку водки. Курсант надолго к ней приложился.

Песня закончилась. Барабанщик стал поправлять тарелку. Вокалист наклонился, взял из лужи пролитого пива бутылку, поднес ко рту и допил остаток.

Малолетний низкорослый панк с ирокезом, в джинсовке с надписью белой краской на спине «Fuck Off» сказал ему:

– Вы хуйню играете. Хватит дрочить, сыграйте «Все идет по плану», а?

– Ты, наверно, не по адресу пришел. Мы играем свои песни.

– Твои песни хуйня. Сыграй «Все идет по плану». Или не умеешь?

Басист повернулся к панку.

– Пошел на хуй!

– Сам пошел.

Панк замахнулся кулаком. Басист оттолкнул его ногой. Падая, панк налетел на девушку в драных колготках в сеточку, в кожаной юбке, с короткими светлыми волосами. Она тоже оттолкнула его. Панк схватил ее за руку. Девушка ударила его в нос кулаком. Панк бросился на нее.

Вокалист прыгнул со сцены, оттолкнул его. Стриженный налыслом парень в майке Nirvana схватил панка за джинсовку, тряхнул и швырнул на пол. Остальные панки включились в драку.

Басист достал из-за колонки неполную бутылку водки, присосался к ней, выпил все.

Помахивая дубинкой, к дерущимся подошел охранник. Он схватил панка, затеявшего драку, за воротник, несколько раз ударил дубинкой по ребрам и поволок к выходу.

– Я тебя, сука, выебу в жопу, падла ебаная! – орал панк. У него текла кровь из носа.

Музыканты вернулись на сцену. Вокалист подал знак. Барабанщик вступил, затем остальные.

В клуб зашли два коротко стриженных парня в черных кожаных куртках и три девушки в шубах и сапогах на шпильках.

Они остановились у входа. Один достал пистолет, повертел в руках, мутными глазами посмотрел на сцену. Он нетвердо держался на ногах, все время пошатываясь. Его поддерживала за рукав блондинка с ярко накрашенными губами.

Бандит уронил пистолет. Девушка наклонилась, подняла его с пола, засыпанного бычками и пеплом, положила в сумку.

Она взяла бандита под руку, потащила к выходу. Вторая пара ушла следом, столкнувшись в дверях с возвращавшимся охранником.

Группа начала быструю композицию. Панки и алкаш в спортивных штанах и драном свитере устроили слэм.

Поскользнувшись в луже пива, алкаш упал. Пытаясь подняться, он перевернулся на живот и застыл в этой позе. Штаны слезли с его задницы.

Парень в майке Nirvana облил его пивом из бутылки.

Песня закончилась. Алкаш отполз к стене, подтянул штаны. Невысокий парень в очках протянул басисту бутылку пива. Басист сделал нетвердый шаг ему навстречу, забрал бутылку. Высоко закинув голову, он допил все пиво, отдал парню пустую бутылку.

– Не, ты *че*, охуел? Там больше половины было...

Барабанщик отстучал три удара. Гитарист заиграл рифф. Басист сделал несколько шагов по сцене, наткнулся на колонку, попытался вступить, но не смог попасть в ноты и бросил играть.

Гитарист жестом показал барабанщику остановиться, подошел к микрофону.

– Здесь есть кто-нибудь, кто умеет играть на басу и кто еще находится в нормальном состоянии?

Дядька в кожаном жилете, угощавший охранника водкой, крикнул:

– Я умею! Я еще в восьмидесятом в «Мифах» играл. Думаешь, я твой грандж не смогу?

Гитарист кивнул. Дядька залез на сцену. Басист сидел, прислонившись спиной к колонке. Дядька снял с него гитару. Басист не среагировал. Дядька повернулся к гитаристу.

– Ты вступай, а я потом подключусь.

Гитарист наиграл примитивный рифф. Вступил барабанщик, потом басист. Ритм ускорился. Гитарист заиграл минималистское соло, подскочил к микрофону, заорал:

– А-а-а-а-а-а-а-а!

Он сорвал с себя гитару, швырнул на сцену. Колонки зафонили.

Гитарист сказал в микрофон:

– Спасибо! Это была группа «Литиум».

К сцене подошел мужчина в застиранной майке Dead Kennedys, пожал гитаристу руку.

– It was fuckin' awesome! Like fuckin' CBGB in the 1970s, but actually better! It's the true spirit of punk rock!¹

На полу у сцены в луже пива лежал выбитый зуб, рядом шприц и две пустые бутылки.

Мужчина за сорок, с длинными, собранными в хвост волосами, в костюме и белой рубашке вынес ящик пива.

– А вот и ваш гонорар. В гримерку нести?

– Да, – ответил гитарист. – Спасибо, Иван.

Гитарист заметил девушку в драных колготках, участвовавшую в драке.

– Присоединишься к нам?

Девушка кивнула.

Они прошли в гримерку: узкую каморку за сценой с пластмассовым красным столом и стульями.

– Ты всегда дерешься кулаками? – спросил гитарист.

– Класе в седьмом научилась. До этого я царапалась.

– Как тебя зовут?

– Оля.

– А я Влад.

---

¹ Это было охуенно! Как в клубе CBGB в семидесятые годы, только лучше! Это – настоящий дух панк-рока! (англ.)

2

Оля

У меня был выходной, и я сидела в своей комнате за шкафом. Хотя на самом деле это никакая не комната, а отгороженный шкафом угол.

Родители отгородили мне его, когда мне было лет тринадцать. Я тогда сказала, что больше не буду спать с Лешей в одной комнате. Ему было восемь, и он уже стал превращаться в придурочного гопника, в которого в итоге вырос.

Первое время я иногда по ночам слышала, как родители трахаются, а иногда даже подглядывала за ними. Потом мне это стало неинтересно.

Я слушала «Closer»² в наушниках на своей старенькой магнитоле Sharp и смотрела в окно. Небо над купчинскими хрущевками было ясным и голубым. На ржавый, обосранный голубями карниз капало с крыши.

Я выключила музыку. Снимая наушники, зацепила заколку. Она упала на стол. Под стеклом уже много лет лежали одни и те же фотографии из журналов. «Алиса». «Кино». «Наутилус Помпилиус». Группы, которые я когда-то любила, и к которым давно равнодушна.

Мне все недосуг было чем-нибудь их заменить, а потом я просто забила. Я давно уже не считала эту квартиру домом, и поэтому мне было все равно. Точно так же мне было плевать на постеры «Аквариума» и «Алисы» на «спине» шкафа. Уж лучше что-нибудь, чем просто фанера.

Я подошла к шкафу с другой стороны, открыла. Из соседней комнаты был слышен телевизор – шел хоккей.

Я надела джинсы и свитер, взяла рюкзак, вышла в проходную комнату.

Отец и Леша сидели на диване. На полу стояли несколько пивных бутылок.

– Ты надолго? – спросил отец. – Купи нам пива, а?

– Деньги давай – куплю.

– Что значит – деньги? – Он говорил медленно, заплетаясь языком. – А у тебя, что, нет? Или тебе в падлу родному отцу купить пива? Это что, не я тебя вырастил?

– Не, правда, а? – сказал Леша. – Хули тебе, жалко? Если ты так жмешься, то я потом отдам...

– Когда? Ты сначала работу найди.

– Найду, не ссы. Ну что, купишь?

– Не куплю. И вообще я скоро съеду от вас. Посмотрим, как вам будет хорошо на одну мамину зарплату.

На улице было совсем не холодно, и я не стала застегивать куртку. Я прошла через двор, села на лавочку, достала из рюкзака сигареты и зажигалку, прикурила, выпустила дым.

Небо было таким голубым, как будто не март, а май.

Я вспомнила вчерашний концерт, Влада. После концерта, в гримерке, он все время молчал. Сидел в углу с бутылкой «гонорарного» пива и слушал, что говорили другие.

И я просто пересела поближе к нему. И мы так вот сидели и молчали. А потом он предложил встретиться. Мы договорились на послезавтра.

---

² «Closer» (1980) – альбом английской группы Joy Division.

3

Влад

Утром работа. Я подмел двор у восьмого корпуса. На стене за старым «Москвичом» без колес появилась свежая надпись «Н.Б.П.»

На краю песочницы два мужика пили портвейн из горла. Они увидели, что я на них смотрю. Позвали. Я бросил метлу, подошел.

– Хочешь?

Мужик был не похож на ханыгу, скорей на итээровца, забившего на работу.

Я кивнул. Второй смотрел на меня исподлобья. Под глазом у него желтел синяк. Рядом, на щеке, засохла кровь.

Итээровец протянул мне бутылку. Я вытер горло рукавом куртки.

– Да уж, – сказал итээровец. – Погляди на Федю. Он когда-то работал со мной в Арктическом НИИ, а потом перестройка все перестроила... Уже два года, как бомжует. Ни семьи, ни квартиры... Я б и рад поселить его у себя, да негде...

Мужик с синяком продолжал смотреть на меня. Я сделал два глотка, отдал ему бутылку. Сказал:

– Спасибо.

Работать больше не хотелось. Я дворами вышел к набережной.

По реке плыли куски льда.

Я вытащил из кармана «Союз-Аполлон», зажигалку. В пачке оставалось три сигареты. Я закурил.

У тротуара был припаркован ментовский «жигуль». В нем сидели два мента.

Мимо пронеслись два черных «Мерседеса». Грязь брызнула на лобовое стекло «жигуля». Включились дворники. Размазали грязь по стеклу.

Я нащупал в кармане карандаш. Он был тупой, но еще писал. Я пересыпал сигареты из пачки в карман. Разорвал ее. Записал на внутренней стороне:

«Снег догнивает последний,
Небо серое, как понедельник,
Люди глядят на меня из окон,
А мечты-подснежники вянут».

Мимо проехал грязный оранжевый автобус, коптящий черным дымом. В стеклах мелькнуло мое отражение.

4

Оля

Покупателей было мало. С утра я читала книгу: второй том Кортасара в черной «клетчатой» суперобложке. Степа перелистывал старые номера «Рок-Фуза». Я никогда не видела его с книгой.

Модно одетые парень и девушка купили компакт «Наутилуса» «Титаник». Из их разговора между собой я поняла, что это подарок какому-то Даниле.

Потом зашел панк лет шестнадцати, с отрастающим, покрашенным зеленкой «ирокезом». Он долго смотрел на косуху в углу, под плакатом «Н.О.М.», потом перешел к вешалкам с футболками. Я отложила книгу. Степа тоже напрягся.

Панк попробовал незаметно снять с вешалки футболку «Гражданской обороны», поднял глаза и встретился взглядом со Степой. Оба заулыбались. Панк поднял руки – показать, что ничего не украл – и вышел из магазина.

– В другой день я б его отпиздил, а сегодня что-то лень, – сказал Степа. – Иногда руки чешутся – вот тогда не лень. А сегодня лень. Только ебаться мне никогда не лень. А тебе, Оля? Может, закроем магазин и сходим в подсобку?

– Знаешь, в чем на самом деле твоя проблема, Степа? Ты все время подменяешь реальность мечтами. Как ты думаешь, сколько есть процентов вероятности, что я пойду с тобой в подсобку?

– Пятьдесят. Или пойдешь, или не пойдешь...

– Ноль.

– Не, а что тут такого невозможного? Катюха со мной постоянно ходит, когда мы с ней в одну смену...

– А при ней ты это готов сказать? Или, может, при Игоре, когда он к ней зайдет?

Степа пожал плечами. Я открыла книгу, прочла две страницы. Потом меня отвлек чел: лет тридцать пять, в вытертых джинсах, высоких черных ботинках и потертой косухе. Я заметила, что он пьяный.

Чел посмотрел на меня, потом на Степу.

– Что вы так смотрите? Вы что, меня не знаете? А вы на концерты ходите вообще? Вы, конечно, еще молодые, но все равно. Я с Костей Кинчевым играл, потом со Славой Задерием. Потом с Кириллом Неведомским играл, года два, примерно восемьдесят девятый-девяностый. Ездили с ним по всему «Совку». Нормальных концертов тогда еще не было, играли на фестивалях. Помню, приехали в Могилев. Это в Белоруссии такой город. Или в Гомель? Я уже не помню точно. Я, правда, не играл, только тусовался с Кириллом и Петей. Потом, помню, пиздились с гопотой. Там пацан был охуенный, Вася. Из Минска. Как группа его называлась, забыл. И песен уже ни хера не помню. А стишок один помню его: «Я тебя бубу в губу, ты меня бубу в губу. Я так больше не могу, я хочу бубу в бубу!» Классно, да? Слушайте, ребята, может выручите? «Штук» пять, до пятницы? Ну так как?

– Никак, – сказал Степа.

Я опустила глаза на книгу.

Чел еще немного потоптался у прилавка и вышел.

– Как думаешь, он действительно музыкант, или просто пиздит? – спросил Степа.

Я заложила страницу книги трамвайным билетом, взяла сигареты и зажигалку.

– Курить? – спросил Степа.

– А что, не видно?

– Ну, давай-давай, получай свою долю никотина. Говорят, что курящие женщины испытывают оргазм в два раза реже, чем некурящие.

Я поднялась по ступенькам, остановилась у закрывающейся на ночь решетки, взяла из пачки сигарету, шелкнула зажигалкой, выпустила дым.

В глубине двора три волосатых парня пили из бутылок пиво.

Чел, просивший денег, ссал у погнутой водосточной трубы. Он посмотрел на меня, застегнул джинсы, сделал правой рукой пионерский салют, потом – нацистское приветствие.

Вчера мы гуляли с Владом. Погода была мокрая, но тепло. Он рассказывал про себя. Что вырос в Луге, занимался футболом, потом прекратил из-за травмы. В Питере уже семь лет –

приехал после школы поступать в универ. Не поступил, учился в ПТУ, бросил. «Крутился» от армии – лежал в «дурке». Работал сторожем, продавцом на рынке, кем-то еще. Сейчас работает дворником на Петроградской, за это ему выделили квартиру. Сегодня вечером он пригласил меня к себе.

5

Окно полуподвальной квартиры было заклеено газетами. По улице прогремел трамвай, просигналил.

Оля и Влад лежали, укрывшись одеялом, на металлической кровати с хромированными закругленными спинками.

Оля вылезла из-под одеяла, подняла с пола рюкзак, достала сигареты и зажигалку. Она прикурила себе и Владу, подала ему сигарету.

Всю стену напротив занимал коллаж из журналов, газет, рекламных листовок, обложек книг, упаковок от сигарет, шоколадок и чипсов.

– Сколько тебе времени понадобилось, чтобы это сделать? – спросила Оля.

– Он еще «в процессе». Начал, как только вселился полгода назад. И все время что-нибудь добавляю.

Кроме кровати, мебели в комнате не было. В углу стояла прислоненная к стене электрогитара, рядом – самодельный усилитель – «комбик» в корпусе из некрашеного дерева и педаль «овердрайва».

У стены были сложены неровной стопкой книги, сверху «Смерть в кредит» Луи Фердинанда Селина в черной обложке. Рядом стопка аудиокассет и мыльница «Panasonic».

На вбитом в стену гвозде висела потертая джинсовка.

В другом углу стояла спортивная сумка, из нее торчали тряпки. Рядом лежали несколько бутылок из-под пива и портвейна.

– Ты не мерзнешь? – спросил Влад.

– Нет. Сегодня тепло. Первый по-настоящему теплый день.

Оля подошла к кровати, присела, стряхнула пепел в банку из-под кофе «Cacique», почти доверху набитую бычками.

Влад дотронулся пальцем до короткого тонкого шрама с тремя швами на Олином животе.

– Это что?

– Нож.

– Ты шутишь.

– Нет.

Влад дотянулся до бутылки портвейна, стоявшей у кровати, сделал глоток, передал Оле.

Оля допила остаток, вытерла пальцем красную струйку на подбородке, поставила бутылку на пол.

Влад вылез из-под одеяла, подошел к «комбику», подключил его к розетке, нажал кнопку. Комбик зафонил. Влад всунул в него провод, другой конец – в педаль. Он распутал другой провод, соединил им гитару с «комбином», подстроил вторую струну, начал играть.

Оля выбросила бычок в банку, подняла с пола трусы, надела. Присев на край кровати, стала натягивать колготки.

Влад продолжал играть, не обращая на нее внимания.

Оля закончила одеваться, подошла к нему, провела рукой перед лицом. Влад остановился.

– Я пойду, – сказала Оля.

6

Оля

День был теплый, а вечером резко похолодало. По дороге к метро я мерзла в полупустом трамвае на черной неудобной деревяшке вместо сиденья.

Я не захотела рассказать ему про нож. И мне понравилось, что он не стал настаивать.

Я ему вообще мало что про себя рассказала. Какая разница?

Я не рассказала ему про Игоря, хотя там на самом деле и рассказывать нечего. В последние полгода отношения между нами были такими, что любой из нас мог бы просто исчезнуть, выпасть из жизни другого. Нам не нужно даже как-то «уведомлять» друг друга. Завтра или послезавтра Игорь позвонит мне домой или на работу, и все сразу станет понятно без лишних слов.

Получается, что я знаю про Влада больше, чем он про меня.

Но я не хочу рассказывать про то, что было до института. А ничего и не было. Отличница в окраинной школе, где всем было насрать на учебу. Дебильные подружки-одноклассницы. Еще более дебилы пацаны.

На самом деле, все это казалось бы далеким прошлым, если бы я до сих пор не жила в том же районе, в той же квартире, с родителями и Лешей.

Все это заебалось. Пора переезжать.

Может быть, Влад предложит мне переехать к нему. Хотя, когда он играл на гитаре, мне казалось, что ему никто не нужен. Но, может быть, это не так.

7

Влад

На полу в кабинете начальницы ЖЭКа стоял обогреватель. Я, не отрываясь, смотрел на его красную раскаленную спираль.

– Владик, я к тебе прекрасно отношусь, – говорила начальница. – Ты хороший парень, а я в людях разбираюсь, можешь мне поверить. Но ведь мы с тобой договорились, разве нет? Три раза в неделю подмести дворы. И все! Почему ты этого не делаешь? Почему дворы шестого и четвертого корпусов вторую неделю не убраны?

– Мне это надоело.

– Владик, ты, ей богу, как ребенок. Я не знаю даже, что тебе сказать... Вот, послушай...

Она взяла со стола книжечку в синей затертой обложке, полистала ее. Начала читать:

– «В случае систематического неисполнения рабочим или служащим без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к рабочему или служащему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания. Пункт четвертый. Прогула без уважительных причин, в том числе появления на работе в нетрезвом состоянии...»

Я достал из пачки сигарету. Поднялся со стула. Встал на одно колено. Наклонился к обогревателю. Прикурил от спирали.

– Что ты делаешь? – крикнула начальница. – Я стараюсь тебе помочь, а ты? Здесь нельзя курить, и вообще у меня астма!

Я вышел из кабинета.

– Чтоб за неделю освободил квартиру! Не освободишь – приду с участковым!

Я прошел по коридору ЖЭКа. Дверь комнаты сантехников была открыта. На столе стояла бутылка водки. На газете лежал нарезанный хлеб. Дед-сантехник в грязной синей спецовке резал складным ножом ливерку.

8

– Знакомьтесь, это – Саша, – сказал Влад. – Мы только что познакомились в метро. И я предложил ему попробовать с нами поиграть. Это – Рома, ударные, а это – Андрей, бас.

Из-под Сашиного черного пальто торчал воротник белой рубашки. Длинные светлые волосы были собраны в хвост. На плече висел черный чехол с виолончелью.

Рома и Андрей пожали руки Владу и Саше, выбросили бычки.

Все четверо вошли в здание.

Коридор был засыпан осколками стекла, осыпавшейся штукатуркой, обрывками проводов. За висящей на одной петле дверью видны были обломки оборудования, разбитые колбы, кучи бумаг. Из одного конца в другой пробежала большая черная крыса.

– Вот так выглядит настоящий апокалипсис, – сказал Влад. – Полная крутотень! Саша, ты когда-нибудь видел подобное?

Саша покрутил головой.

Влад постучал в черную металлическую дверь в конце коридора. Открыл дядька под пятьдесят, с длинными седыми волосами, в джинсовой рубашке, с несколькими нитями крупных бус.

В комнате стояла ударная установка, усилители, колонки. Дядька поздоровался со всеми за руку.

– Это единственный остров цивилизации во всем здании? – спросил Андрей.

– Почти что, – ответил дядька. – Есть еще мой бывший кабинет на втором этаже. Я же раньше здесь работал завлабом. Тогда это считалось очень круто: кабинет тридцать метров, с кондиционером. Тридцать метров-то никуда, конечно, не делись, а кондиционер уже давно не работает... Если что понадобится, то я буду там – прямо над этой комнатой, на этаж выше. Только осторожно на лестнице, там нету перил.

* * *

Музыканты сидели на столе в бывшей лаборатории. Ее освещал уличный фонарь за окном.

– ...круто было, – сказал Влад. – Ты сам не обломился? – Он посмотрел на Сашу.

– Нет, все классно.

– Круто.

– Только слышно было плоховато, – сказал Рома. – Надо виолончель через усилитель пропустить. А еще лучше через «примочку». Поговори со своим «Кулибиным», пусть сделает «примочку» специально под виолончель.

– А гитарная разве не подойдет? – спросил Андрей.

– Не-а. Там тембр другой, – Рома посмотрел на Сашу. – У Влада есть знакомый умелец – он ему «овердрайв» сделал сам, за бутылку водки, а детали все нашел на свалке.

– Да, звук у нее совершенно чумовой, – сказал Влад. – Ну что, расходимся?

– Да не обязательно. – Андрей потянулся к чехлу бас-гитары. – У меня кой-чего есть. – Он вытащил из чехла бутылку портвейна.

* * *

– Я ненавижу русский рок. – Сидя на столе, Андрей катал ногой по полу пустую бутылку. – Ему давно пришел пиздец. Сегодня это слушать невозможно. Если кто-то говорит, что русский рок пошел от Галича или там от Окуджавы, то туда он и вернулся. Только в сто раз хуже. Ты, Рома, можешь мне говорить все, что хочешь, но ты меня не переубедишь. Все эти «Алисы», «Аквариумы», ДДТ – это обыкновенная попса. Для меня что ДДТ, что, например, Филипп Киркоров – одно и то же. Почти такая же попса. Только еще хуже. Потому что Киркоров без пафоса, его дело – зарабатывание бабла. А у этих пафоса выше крыши – «Мы вместе», «Мое поколение», «Революция».

– Не, а мне это нравится, оно меня вставляет по-настоящему, – сказал Рома. – И вообще, пацаны, если не хотите со мной играть из-за моих музыкальных вкусов – так и скажите!

– Успокойся, Ромыч. – Влад поднял глаза от осколка колбы на подоконнике. – Никто к тебе никаких претензий не имеет. Слушай, что хочешь. Я сам в свое время люто любил эти группы. Но тогда общее ощущение было другое. Мы жили в советской жопе, и вся эта музыка казалась глотком свежего воздуха. А сейчас все это уже не цепляет.

– Потому и не цепляет, что все про деньги. – Андрей оттолкнул ногой бутылку. Она покатилась в кучу мусора, испугнула крысу. – Может, раньше и по-другому было. Я не знаю. Я русский рок никогда толком не слушал. Только западный панк. «Sex Pistols», «Dead Kennedys», «The Clash». С пятнадцати лет.

– А «Гражданская оборона»? – спросил Влад.

– И «Г.О.» тоже слушал, да. Но это ведь не русский рок. К русскому року она отношения не имеет. Ты, Влад, «Оборону» ведь тоже котируешь?

– Да, но вне связи с политикой. «Русский прорыв», баркашевы, Лимонов – от меня все это супер-далеко. Для меня «Оборона» – это мерзкая гнусная дождливая осень восемьдесят девятого, дождь за окном и «Все идет по плану» из разбитого кассетника «Беларусь».

9

Оля

В этот раз комната выглядела по-другому. Газеты с окна были сорваны, и видны были проезжающие машины и ноги пешеходов.

Влад складывал в рюкзак книги – «Смерть в кредит», тома Борхеса и Кортасара без суперобложек, книги Набокова, Хэмингуэя, Ремарка, Бодлера, Рэмбо.

Он сказал:

– Я не могу работать в какие-то определенные часы, я не робот. Если я хочу написать песню, если она у меня придумывается, то я иду и пишу песню. И все по хуям.

– Я тебя понимаю на самом деле. Но это невозможно. В смысле, это невозможно жить в реальном мире.

– Я понимаю, что невозможно.

– И где ты теперь будешь жить?

– В клубе. Иван разрешил мне. Там есть комната с туалетом и душем. И я в ней могу жить бесплатно. А за это буду работать в клубе. Подметать, бутылки убирать.

– А в чем разница? Ты мог бы продолжать дворником работать...

Влад молчал.

– А я надеялась к тебе переехать... Мои меня совсем уже задрали... Ладно, поживи пока в клубе. А я получу зарплату – и снимем комнату. Я с ними больше жить не могу.

Влад вынул из гитары кабель, скрутил, бросил в рюкзак, сверху аккуратно положил «при-мочку».

Я спросила:

– А тебе, что, совершенно плевать на деньги? Возьми Курта Кобейна – он же андеграундный чел. Но ведь он не отказывался от денег, которые ему платил шоу-бизнес. А на сам шоу-бизнес ему было насрать.

– И чем все это закончилось? Он просто не смог выносить все это. И это при том, что там другой шоу-бизнес. Там не Пугачева и Киркоров, а какой-нибудь «Аэросмит» или «Ганз энд Роуезз». Этот шоу-бизнес его съел. И по-своему над ним поиздевался, потому что шоу-бизнес зарабатывал деньги на человеке, который говорил, что это все ненавидит, ненавидит всю систему. А люди с деньгами решили: и насрать, что ненавидит, и насрать, что против системы, это даже хорошо. Мы все равно будем на нем зарабатывать.

– И ты был бы против, если бы тебе дали делать все, что ты хочешь, и еще бы за это платили, пусть и сами бы зарабатывали?

Влад взял с пола стопку аудиокассет, засунул в сумку.

– Не знаю. Может быть, и не против.

Он подошел ко мне.

– Мне важно, чтобы ты меня поняла. Ты – единственный человек, который может меня понять. Даже если ты меня не всегда понимаешь, я буду стараться, чтобы поняла.

10

В углу большого зала с позолоченными канделябрами на стенах и хрустальными люстрами играл струнный квартет: Саша на виолончели, два скрипача и альтистка. Парни были одеты в черные костюмы и белые рубашки, девушка была в длинном черном платье.

На стене висел баннер «Благотворительный фонд поддержки культуры и искусства Санкт-Петербурга».

Официанты во фраках и белых перчатках разносили по залу подносы с бокалами шампанского.

Влад в рваных джинсах, кедах и косухе, Оля в коротком сарафане, колготках в сеточку и грязных черных сапогах, поставили на поднос пустые бокалы, взяли еще по одному.

Рядом стояла полная тетка в зеленом платье, с толстой золотой цепочкой и перстнями на всех пальцах.

– А какое искусство будет поддерживать ваш фонд? – спросил у нее Влад. – Он будет поддерживать концептуальное искусство?

– А что вы имеете в виду, молодой человек, под концептуальным искусством?

– Искусство, в котором важна не только реализация, но и концепция. Вот, например, «Черный квадрат».

– Знаете, я не хочу углубляться в подобные диспуты. У нас есть эксперты, они и решат, кого надо поддерживать, а кого нет. Наша задача – изыскать для этого средства.

– И все же, а кто ваш любимый современный российских художник? Я имею в виду, из действующих? Илья Глазунов?

Тетка, махнув рукой, отошла в сторону.

Музыканты прекратили играть. Саша подошел к Владу и Оле.

– Спасибо, что вписал нас, – сказал Влад. – Хоть шампанским на халяву набухаемся.

– Это тебе спасибо. Ты знаешь, я понял, что мне интереснее играть с вами, чем на таких вот мероприятиях. Нет, я люблю классику, многое из нее люблю. Но я был все время в одной

струе, в одном потоке, и не понимал совершенно, что есть что-то еще за его пределами. И оно, может быть, не менее интересно... То, что я делаю в «Литиуме», это офигенно!

– Уважаемые дамы и господа, прошу внимания! – сказал в микрофон невысокий лысоватый дядька в сером пиджаке, с ярко-синим галстуком. – Семен Петрович Говоров, председатель попечительского совета Благотворительного фонда культуры и искусства Санкт-Петербурга, хотел бы сказать несколько слов.

К микрофону подошел красномордый, стриженный налысо мужчина в кожаной куртке. Вокруг захлопали. Он вытащил из кармана мятую бумажку, развернул, начал говорить.

– Наш город – культурная столица России. И мы должны продолжить традиции, заложенные еще Петром Первым, а потом продолженные великими столбами русской культуры – Федором Михайловичем Достоевским, Львом Николаевичем Толстым, Петром Ильичом Чайковским. Мы должны поддерживать культуру и искусство, потому что, если мы не будем этого делать, мы перестанем существовать как русский народ, перестанем существовать как граждане великого города Санкт-Петербурга, культурной столицы России. Ну, короче, это все, что я хотел сказать.

Ему снова захлопали. Говоров подал знак официанту, тот подскочил к нему. Говоров взял бокал шампанского, выпил одним глотком.

Музыканты снова заиграли.

– Пойдем покурим, – сказала Оля.

Оля и Влад пошли к выходу.

У входа Влад достал «Союз-Аполлон», прикурил зажигалкой себе и Оле.

С неба сыпался мокрый снег.

Мимо Оли и Влада прошел Говоров с охранником. Зазвонил его мобильник, он остановился, нажал на кнопку.

– Да, буду через полчаса. Что, бля, за срочность такая? Вы что, охуели? Сказал – ждите, значит, ждите.

Говоров и охранник подошли к черному «мерседесу». Раздались несколько хлопков. Говоров упал. Охранник выхватил пистолет, начал стрелять. Проходивший мимо мужчина в кепке упал на тротуар. Его дипломат и кепка отлетели в сторону.

С места резко рванула синяя «шестерка». Охранник выстрелил ей вслед, наклонился к Говорову.

Из дверей выглянули несколько человек.

– Уважаемые гости, прошу вернуться в зал, – говорил им лысоватый. – Уважаемые гости...

Говоров лежал на тротуаре. Под его головой растекалась лужа крови. Сверху падал снег.

Лысоватый подтолкнул Олю и Влада вместе со всеми. Они выбросили бычки, вернулись в зал.

Лысоватый подбежал к музыкантам:

– Продолжайте играть, как будто ничего не произошло. Гости должны чувствовать себя максимально комфортно.

Часть вторая

Август-октябрь 1995. Санкт-Петербург – Москва

11

Оля

Перед сценой прыгали, сталкиваясь и снова разлетаясь, человек пять панков.

У стены стояла искусственная блондинка в босоножках на высоком каблуке, в короткой юбке. Странно было видеть, как она пританцовывает.

У другой стены пьяный парень танцевал, время от времени пытаясь вытащить свою девушку, но она только сильнее вжималась в стену.

Вокала практически не было слышно, все перекрывали гитара Влада с «овердрайвом» и Сашина виолончель, пропущенная через новую «примочку».

За дальним столиком сидели с бутылками пива два эфэсбэшника лет по тридцать пять – оба в дешевых джинсах и «левых» майках Nike. С непроницаемым видом они смотрели на сцену, иногда прикладываясь к бутылкам.

Про то, что они эфэсбэшники, нам рассказал Иван. Я видела их на концерте не в первый раз, они смотрелись здесь странно, но почти всегда в клубе появлялся какой-то странный народ.

Ребята доиграли последнюю вещь. Влад рванул пальцами струны гитары. Брызнула кровь.

Пьяный парень отбежал от своей девушки, подскочил к сцене.

Он заорал Владу:

– Круто, круто! Если б я был пидарасом, я бы тебя выебал! Только я – не пидрорас! Я вам честно говорю – я не пидорас! Она может подтвердить!

Он повернулся туда, где стояла его девушка. Она быстрым шагом шла к выходу. Парень побежал за ней.

Ребята собрали инструменты, и мы пошли в гримерку: я, Влад, Андрей, Рома, Саша и две девушки, которых привел Андрей, Лена и Ира.

На полу уже стоял «гонорарный» ящик пива. Все схватили по бутылке, открыли. Влад держал бутылку левой рукой. Пальцы правой еще кровоточили.

Я спросила:

– Может, перевязать чем-нибудь?

– Не надо.

– Мы Анпилова³ очень уважаем, – сказала Лена в черных джинсах и черной майке, без лифчика, с темной, почти черной помадой. – Это – настоящий мужик, не то что Ельцин-пидорас.

– Может, тебе и Зюганов нравится? – спросил Рома.

– А что такого? Мужик, как мужик, только, старый, конечно. Но говорит он все правильно. Все эти дерьмократы уже заебали.

Ира в коротком красном платье и кожаной куртке – наклонилась мне к уху и зашептала, кивая на Сашу:

---

³ Виктор Анпилов – один из лидеров коммунистических движений 1990-х.

– А он ведь не «голубой», да? Выглядит, как «голубой», но он же не «голубой»?

* * *

Пиво закончилось. Лена ругалась с Ромой.

– А чем тебя, бля, нравится Ельцин со своей сраной кодлой? – кричала она полупьяным голосом. – Чем они лучше, чем какой-нибудь, на хуй, Брежнев?

Я вышла из гримерки, прошла через клуб. Несколько человек сидели за столиками с пивом, еще несколько спали на лавках.

В женском туалете, в кабинке с выломанной дверью, страстно целовались Ира и Саша.

12

Влад

Мы с Шумером сидели на лавке в сквере. Пили пиво. Трава была засыпана первыми опавшими листьями.

Шумер допил пиво, оторвал этикетку. Скомкал, покрутил в пальцах, бросил в бутылку.

Ждавший в засаде пенсионер засеменил к нашей скамейке.

– Можно вашу бутылочку?

Шумер протянул ему бутылку.

– Благодарствую. А вы еще не допили, да? – Он глянул на меня. – Вы не будете возражать, если я подожду?

Я пожал плечами. Пенсионер отошел.

– Короче, я поехал, – сказал Шумер. – Надо вмазаться.

– Давай, я с тобой.

– Ты, наверно, не понял. Вмазаться «винтом».

– Я понял.

– Ты же вроде не по этой теме?

– Что значит по этой, не по этой? Я себя не загоняю ни в какие рамки. Раньше мне это было не надо, а сейчас, может быть, и надо. Я сейчас ни от чего не отказываюсь.

– Правильно. Хули отказываться? Жизнь и так короткая. Надо только у старух купить жгуты и пузырьки. Хотя не, не надо. У пацанов все есть. Кстати, что у тебя с финансами?

– Около двадцати «штук».

– Заебись. Надо пацанам купить пожрать. У них никогда ничего нет, они все на «винт» проебывают.

* * *

Мы поднялись по вонючей лестнице на последний этаж. Шумер подошел к двери с оборванным проводом вместо звонка.

За соседней дверью громко играла «Стюардесса по имени Жанна».

– Я бы тех, кто такое слушает, насильно заставлял слушать панк-рок или хотя бы «металл», – сказал Шумер.

Шумер постучал, подождал. Толкнул дверь и вошел. Я вошел за ним.

В квартире воняло еще хуже, чем на лестнице, каким-то гнильем, тухлятиной и горелым мясом.

Войдя, мы оказались не в прихожей, а прямо на кухне. На табуретках у стола сидели три чувака. Стол был заставлен тарелками с объедками.

Шумер поздоровался со всеми за руку, кивнул на меня.

– Это Влад.

Никто не подал мне руки и даже на меня не посмотрел.

Я сделал несколько шагов по кухне. Подошел к окну.

– Парни, как насчет «винта»? – спросил Шумер.

– Счас сварим, – ответил стриженный налысо пацан в застиранной черной майке Def Leppard. – Подожди.

Шумер сел на стул окном и плитой. На плите стояла сковорода с остатками мяса.

Стекло было заляпано высохшими каплями чего-то темного. Между рамами валялисьдохлые мухи.

– А кто он вообще такой, а?

Я повернулся. На меня смотрел чувак с длинными сальными волосами, в черной рубашке.

– Да, это я тебе говорю! – заорал он. – Кто ты такой, а? Ты мне объясни – кто ты такой? Что ты вообще здесь делаешь? Кто его привел? Нет, вы мне объясните – кто его, блядь, привел? Что это за хуй?

– Успокойся, – сказал Шумер. – Он со мной.

– Так бы сразу и сказал.

Я достал свой «Союз-Аполлон».

Чувак снова глянул на меня.

– Ты что, здесь курить собрался? У нас не курят. Иди на балкон.

Я взялся за ручку балконной двери. Дверь скрипнула. Я вышел на балкон.

В тазу лежала отрезанная голова собаки. Я подошел к краю балкона. Дотронулся до ржавых перил. Достал сигарету, прикурил.

Над крышами висело низкое серое небо. Собирался дождь.

Я курил, думая о том, что я делаю в этой вонючей дыре с наркоманами, жрущими собак.

Докурил. Огляделся. Бычок некуда было выбросить. Я швырнул его за балкон.

Вернулся в комнату.

Третий чувак, молчавший до этого, посмотрел на меня, потом по сторонам. У него были короткие рыжие волосы.

– Все, пиздец.

– Что пиздец? – спросил волосатый.

– Все. Больше жить не хочу.

– Ты точно уверен?

– Точно.

– Давай помогу.

Волосатый взял со стола нож и шахнул его по запястью. Кровь брызнула по всей кухне. Несколько капель попали мне на лицо.

– Ты что, охуел? – крикнул лысый.

Волосатый швырнул нож на стол. Кроме крови, на нем были прилипшие кусочки мяса.

Волосатый вышел из кухни. Шумер и лысый молча смотрели, как с руки рыжего на клеенку стола, прорезанную в нескольких местах, стекает кровь.

Я схватил с гвоздя полотенце. Перевязал ему руку.

– Телефон есть? Скорую надо вызвать!

– Есть, – сказал лысый. – Но он отключен. Таксофон на улице, если у тебя есть карта.

– Какой здесь номер дома и квартиры?

* * *

Я вытащил из таксофона карту с силуэтом Петропавловской крепости. Засунул ее в карман. Поднял голову. Посмотрел на низкое серое небо. Дождь так и не начался. Я вспомнил, что сегодня тридцать первое августа.

13

Оля

Я работала в книжном четвертый месяц. Мне здесь нравилось больше, чем в рок-магазине, хотя бы тем, что я могла читать любую книгу, и ничего не надо было покупать.

За день я прочитала тридцать страниц «Путешествия на край ночи», позвонила на радиостанции, на которые отнесла демо-запись «Литиума». На «Катюше» сказали, что еще не послушали, но послушают обязательно, а от других я вообще ничего не смогла добиться.

Вечером в магазине проходил творческий вечер московского поэта Ковалевского. Я о нем никогда не слышала, но современную поэзию я знаю плохо, так что неудивительно.

Примерно за полчаса до начала начали собираться люди – в основном, пожилые дядьки в мятых пиджаках. Две девушки чуть помладше меня – типичные студентки филфака – копались в книгах, уточняли цены, но так ничего и не купили.

Два деда, стоя прямо у кассы, пили коньяк, передавая друг другу бутылку. Один говорил:

– Мы были интеллектуальной элитой, мы помогли сбросить иго коммунистов. И чем нас, спрашивается, отблагодарили? Копеечной пенсией, на которую невозможно прожить? Нет, вы мне скажите, почему так? Мои книги издавались тиражами в сотни тысяч экземпляров, они есть в каждой районной, в каждой сельской библиотеке.

Второй молча слушал.

– Я в студенческие годы мог себе позволить обедать в «Европейской», а на первый свой гонорар, пятьдесят рублей, я там настоящий пир затеял. – продолжал он. – А сейчас, спрашивается, что можно себе позволить на пятьдесят рублей? Коробок спичек?

Мужик помладше, лысый, с торчащими из ушей седыми волосами, в давно не стиранной джинсовке, прислушивался к разговору, а потом сказал:

– Ты б уж лучше не пиздел, Виталя. Ты квартиру на Невском получил как поэт. Знаешь, сколько она стоит сейчас? Ты ее можешь продать, купить хрущевку где-нибудь в Автово и безбедно жить до конца своих дней.

– А вот хуй тебе, – ответил Виталя. – Я лучше буду голодать, но с Невского никуда не уеду.

В магазин зашли организатор вечера Нина – худая, невысокая, за пятьдесят, с короткими седыми волосами, и Ковалевский – толстый, кучерявый, в растянутом бежевом свитере, засыпанном перхотью на плечах, и с коричневым пятном спереди.

– Вот она, наша надежда, – сказала старуха в черной шляпке с вуалью. – Правда ведь, Петя, вы – наша надежда?

– А вы – плесень на теле русской поэзии, – сказал Ковалевский и достал из потертой дерматиновой сумки мятые листы бумаги, распечатанные на принтере, и начатую бутылку водки.

Он отвинтил крышку, приложился, покопался в листах бумаги, выбрал один и начал читать:

«Все можно оправдать дурной погодой,
Безвременьем, скукоженной свободой.
Свалить на неухоженный бардак,
Списать на перегруженный рассудок,
На окончание века и пивной желудок...
Но разве это все не так?»

Раздались жидкие аплодисменты. Он снова выпил водки и продолжил читать:

«Все эти пацаны, революционеры – снобы,
Мажоры, умники, пизоны и щенки,
Их клубы андеграундные и трущобы,
Коммуны, сквоты, „хаты“, чердаки...»

* * *

Ковалевский читал заплетающимся языком:

«Судьба моя, пожалей бродячих собак у батарей...
Судьба моя... пожалей коров, волов и бомжей...
Меня, изнашивающего... в волнении над их судьбой...
И мир, разорвавший... все... связи... со мной... с тобой...»

Он закрыл глаза.

Несколько человек зааплодировали.

На голубых грязных джинсах Ковалевского начало образовываться темное пятно. Моча со стула закапала на пол на валявшиеся там листки со стихами.

Не замечая этого, к Ковалевскому подошла все та же старуха в шляпке с вуалью. Своей тростью она опрокинула бутылку из-под водки.

– Молодой человек, я хотела бы у вас спросить, как у поэта. Как вы считаете, какая тема была самой главной в поэзии «Серебряного века»?

Ковалевский вздрогнул, открыл глаза.

– Пизда, – сказал он.

Несколько человек засмеялись. Старуха пошла к выходу.

Из подсобки вышла Валя, уборщица из Белоруссии, со шваброй, тряпкой и ведром воды. Она заметила, что Ковалевский обоссался.

– Еб твою мать, это еще что такое? – заорала она. – Я тебе следующий раз самому в рот нащу!

Она ткнула Ковалевскому в лицо мокрой тряпкой. Он открыл глаза, заморгал, снова вырубился.

– Уберите его, на хуй, отсюда! – крикнула Валя. – Совсем охуели, бля, поэты хуевы!

Нина подошла к Ковалевскому, стала трясти его за плечо.

– Витя, пойдете. Скоро уже ваш поезд...

14

В актовом зале колледжа перед сценой прыгали три десятка пацанов и девчонок, в основном – в майках «Nirvana» и «Гражданская оборона». Чуть в стороне от них стояла Оля в черных джинсах, разорванных во многих местах, и белой майке с надписью «Save the Earth».

Влад отшвырнул гитару. Она, упав, звякнула, «завелась».

Влад лег на пол рядом с гитарой.

Рома и Андрей продолжали играть коду. Саша выпиливал на пропущенной через «примочку» виолончели атональное соло.

Рома ударил по «рабочему» барабану в последний раз, отшвырнул палочки.

Ребята в зале захлопали.

– Спасибо, Выборг! – крикнул в микрофон Андрей.

* * *

Оля, Влад, Саша, Андрей и Рома шли через сквер, тускло освещенный окнами домов соседней улицы. Фонари вдоль дорожки не горели.

На соседней дорожке, у бетонной опоры, оставшейся от скамейки, стояли пятеро гопников с бутылками пива и сигаретами.

– Э, идите сюда, а? – крикнул один. – Вы кто такие?

– Идем спокойно, не обращаем внимания, – негромко сказал Андрей.

Он и Рома шли рядом, Оля и Влад чуть впереди, а сзади Саша с виолончелью в футляре.

– Э, волосатый, ты куда? – закричал все тот же парень. – Ты пидор, да? Иди сюда, мы тебя в жопу выебем. Или, может, на клык возьмешь?

Саша побежал, остальные тоже. Гопники бросились за ними, на ходу допивая пиво.

Саша споткнулся, упал. Чехол с виолончелью соскользнул с плеча. Он успел его подхватить.

Два гопника подскочили к нему, сбили с ног, стали пинать.

Влад ударил одного по голове гитарой. Гопник рухнул на траву. Другой гопник ударил Влада в лицо кулаком. Влад махнул гитарой. Гопник увернулся.

Еще один гопник занес бутылку над головой Андрея. Бутылка выскользнула. Андрей ударил гопника ногой, потом гитарой.

– Уходим! – крикнул Рома.

Два гопника наклонились над тем, кого сбил с ног Влад. Он привстал, крикнул:

– Вам пиздец! Готовьтесь!

* * *

Саша, Влад, Андрей и Рома сидели на деревянных лавках в зале ожидания. Саша вытащил из кармана мятый платок, высморкал сопли с кровью. Андрей потрогал его нос.

– Не сломали, все в порядке.

Подошла Оля.

– Электричка в двадцать три ноль девять.

– А сейчас? – спросил Рома.

Оля глянула на круглые часы на стене. Они показывали полвторого.

Она посмотрела на свои наручные.

– Без десяти одиннадцать.

– Надо где-нибудь спрятаться, – сказал Саша. – Если они нас здесь найдут, это будет все.

– А милиция здесь есть?

Оля помотала головой.

– Все закрыто.

В углу зала ожидания сидели три бомжа. Один держал в одной руке бутылку лосьона, в другой – бутылку воды. Он глотнул лосьона, запил. Передал обе бутылки другому.

– Надо что-то делать, – тихо сказал Саша.

– Что? – спросила Оля.

– Отобьемся. – Андрей похлопал по чехлу своей бас-гитары. – В худшем случае, инструменты угробим.

– А если их будет двадцать человек? – спросил Саша.

Рома подошел к двери, ведущей к путям, приоткрыл ее, выглянул.

– Электричку уже подали. Давайте, может, загрузимся?

– Садимся в разные вагоны, – сказал Влад. – И запремся в туалетах.

* * *

– У тебя губа рассечена, – сказала Оля.

– Сильно? – спросил Влад.

– Чуть-чуть.

Оля дотронулась до его губы.

– Как здесь воняет. Даже целоваться не могу.

За дверью послышались шаги и голоса.

– Что, никого?

– Никого.

– Видно, сука, бля, уже уехали. Гондоны!

Шаги затихли.

Электричка дернулась, тронулась.

Влад открыл защелку туалета, выглянул. Он и Оля вышли.

Влад подошел к окну тамбура. На перроне стояли два десятка гопников. У некоторых в руках были палки и куски арматуры.

* * *

Электричка отошла от маленькой станции. За окном мелькнули деревянные дома без света в окнах.

– Они в сущности нормальные пацаны, – говорил Андрей. – Но мы для них классовые враги. Потому что мы из Питера, потому что мы, в основном, из благополучных семей. Они это чувствуют на примитивном, интуитивном уровне.

– Чем мы, интересно, отличаемся от них в классовом смысле? – спросил Рома. – Мне кажется, мы такие же бедные, как и они.

– С финансовой точки зрения да, мы мало чем отличаемся. Но они все равно чувствуют классовую вражду по отношению, например, ко мне. Потому что их родители, например, работают на заводе, а у меня мама учительница, отец – научный работник. И они, например, учатся в «путяге», а я в универе на историческом.

– Это тебя в твоей партии так научили? – спросил Рома. – Национал-большевики твои?

– Ну, а если и в партии?

– И у тебя есть партбилет?

– Конечно.

– Как, еще раз, называется партия? – спросил Влад.

– Национал-большевистская. Сокращенно – НБП.

– А почему не национал-фашистская? – Рома посмотрел на Андрея. – Фашизм и большевизм – это разве не одно и то же?

– А если и фашизм? Что здесь такого? Я знаю, что вождю насрать, фашисты мы или коммунисты. Главное, что мы сегодня выражаем эмоции, которые любой нормальный человек испытывает постоянно. Например, у партии нет вообще никакой идеологии, нет программы в стандартном, бюрократическом, формалистском понимании. То есть, она есть, конечно, но нужна только для регистрации и прочих формальностей. Мы же не какие-нибудь тухлые коммунисты. В нашей партии Егор Летов и другие крутые чуваки.

– Его я как раз понимаю. Он конкретно спел: «Я всегда буду против». Но он поэт, художник. Ему можно.

– Так в партии таких много. Вождю нравится все, что весело, талантливо, ярко. Главное – эпатаж и нон-конформизм.

– Так это и есть чистый фашизм. То, что у вас есть вождь, это уже фашизм? Вот мне на хуй не нужен никакой вождь. А тебе, Влад? Тебе нужен вождь?

– Зачем?

– Ну, вот, слышишь? – Рома глянул на Андрея.

– Да дело даже не в вожде. Просто та жизнь, которую предлагает партия, – она яркая, героическая. Не то что обычная жизнь.

– И в чем героизм? Чтобы ходить на демонстрации с выжившими из ума пенсионерами?

Влад поглядел на дремавшую рядом Олю, повернулся к Саше, он сидел на черной скамейке, на сиденье напротив лежал чехол с виолончелью. Пятна крови на Сашиной белой рубашке засохли и потемнели.

– Ты знаешь, это было офигенно круто, – сказал Саша. – Спасибо тебе. И плевать, что кто-то меня там ударил. Это ерунда. А такого драйва я ни разу в жизни не испытывал. И на концерте, и после концерта. В жизни ничего не происходит просто так. Ты можешь смеяться, но та наша встреча в метро... Мне кажется, это было предопределено. Ты знаешь, бабушка и мама меня все очень сильно контролировали. Папа умер, когда я был в четвертом классе... Я не хотел бы вдаваться в детали, но у меня никакой жизни, кроме музыки, не было. Я не могу сказать, что мне не нравилось. Нет, мне нравилось, но...

Хлопнули, открывшись и закрывшись, сдвижные двери вагона.

Все посмотрели в ту сторону. В вагон зашли два мента, двинулись по проходу, остановились.

– А, музыканты! – сказал один. – Наркотики есть?

– Я категорически против наркотиков, – сказал Рома.

– Что, может, еще и вены покажешь?

– С удовольствием.

Рома начал закатывать рукав кофты.

– Ладно, не надо, верим.

Менты пошли дальше по вагону.

15

Оля

После секса мы сидели друг напротив друга на широком подоконнике с потрескавшейся краской и курили, стряхивая пепел в банку из-под солянки.

В окне было небо и крыши, много красных крыш. И купол Исаакия. Когда я нашла эту комнату и выглянула в окно, я разу поняла, что сниму ее. Хотя бы из-за этого вида.

Я сразу же предложила Владу переехать ко мне. У меня не было сомнений, что он согласится. И вот уже три недели мы жили с ним в этой комнате с железной кроватью, старым сервантом и широким письменным столом.

Мы сидели, курили и молчали. Любые слова были бы лишними.

Потом зазвенел звонок. Один раз, второй, третий – к нам.

– Ты кого-нибудь ждешь? – спросила я.

Влад помотал головой.

Звонок снова зазвенел три раза.

– Я подойду, – сказал Влад. – Мало ли...

Он потушил сигарету о край банки, бросил в нее бычок, спрыгнул с подоконника, натянул джинсы, вышел.

Я сделала последнюю затяжку, тоже потушила сигарету и бросила в банку. В коридоре послышались шаги. Я схватила первую попавшуюся майку Влада, с портретом Кобейна и фразой «I hate myself and want to die»⁴.

В комнату заглянули Влад и Саша.

Саша помахал мне рукой, сказал:

– Привет.

Я кивнула.

– Мы на кухне поговорим, – сказал Влад.

Он закрыл дверь.

Я снова залезла на подоконник, взяла из пачки Влада сигарету, прикурила зеленой прозрачной зажигалкой, затянулась, выпустила дым.

Я пододвинулась ближе к стеклу, прилипла к нему лбом, посмотрела вниз. Над трамвайными путями покачивался на тропе фонарь.

Открылась и закрылась дверь. Влад вернулся в комнату.

– А где Саша? – спросила я.

– Ушел.

– Что так быстро? Чаю бы попили...

Влад пожал плечами.

– А зачем вообще он приходил?

– По делу. – Влад как-то странно, не похоже на себя ухмыльнулся. – У его семьи сейчас плохо с деньгами. И какие-то бандиты вышли на него и предложили продавать героин в «консе». Но там и так уже продают, поэтому без шансов. И он хочет продавать в клубе.

– А ты тут при чем?

– Он хотел, чтобы я поговорил с Иваном. Чтобы это не было у него за спиной.

– И ты поговоришь?

– Поговорю.

– Зачем тебе это надо?

– Как зачем? Помочь...

– Ты вообще думаешь, что ты говоришь? Ты сможешь ему продавать наркоту!

– В клубе и так ее продают. Пусть лучше этим занимается кто-то свой.

– Это он тебе так сказал? Это его слова?

– Все, что я ему пообещал, это поговорить с Иваном. Если Иван скажет «нет», то тема закрыта. Ты меня знаешь. Я к наркотикам вообще отношения не имею, это не моя территория.

---

⁴ «Я ненавижу себя и хочу умереть» (англ.)

16

Влад

Мы сидели с Иваном в его комнате в клубе. На столе в аккуратные стопки были сложены демо-кассеты от разных групп.

Иван снял с электроплитки чайник. Залил пакетики с зеленым чаем в двух граненых стаканах с подстаканниками. Поставил чайник обратно. Сел на стул напротив меня.

– Возможно, я – идеалист, – сказал Иван. – Но я действительно верю в самоорганизацию и саморегуляцию. Клуб работает уже четыре года, и я с самого начала стремился к максимальной независимости. Если уж мы смогли получить это бывшее комсомольское помещение, то должны быть полностью независимы. Никаких ментов, никаких бандитов. Я понимаю, что до конца это никогда не получится, но мы к этому стремимся. Я вообще не верю в способности власти что-либо организовать, что-либо сделать для людей. Только саморегуляция и самоорганизация.

– С этим трудно не согласиться. Но я задал конкретный вопрос.

Я взял стакан, поднес к губам. Чай был еще горячий. Я поставил его обратно на стол. Верхняя кассета была подписана «Последнее танго в Париже».

– Я никогда никому ничего не разрешал в клубе продавать, – сказал Иван. – Ко мне подходили бандиты, предлагали «крышу». Но я отказался. Заговорил им зубы. Сказал, что им самим это не интересно: слишком мало людей с деньгами приходит, плюс, клуб и так на контроле у милиции. Ты меня знаешь, я категорически против наркотиков, это раз. И я хочу держаться подальше от всего, что связано с криминалом, это два.

– Но все равно ведь продают, без твоего согласия. Если будет кто-то еще продавать, это ни на что не повлияет. А ему реально нужны деньги, он бы ни за что иначе в это не полез. Ты ж видел его. Из него такой же бандит, как из меня президент. Матери на работе денег не платят, живут втроем на его стипендию и пенсию бабушки.

– Я ценю тебя как музыканта, Владик. Иначе я вообще не вел бы с тобой этот разговор. И я сочувствую Саше. Но максимум, что я могу сделать, это не сказать ни да, ни нет. Разговора такого у нас с тобой не было. Я ни о чем не знаю, ничего не вижу и ни о чем подобном не слышу. Это строгая договоренность. Хорошо?

– Хорошо. Горыныч у тебя еще работает?

– Нет, пришлось его уволить. Он категорически на все забивал. Ты, по сравнению с ним, был идеальным работником. Жалко, что недолго. Приходится самому убираться в клубе, пока никого нового не нашел.

17

Оля

Группа играла хардкор. Зрителей было немного.

Я и Влад были пьяные, мы прыгали у сцены, целовались, снова прыгали.

На самом деле мы даже не слушали музыку. Нам было на нее насрать. Насрать на группу, на других людей в клубе, насрать на то, что будет потом.

Мы знали, что никогда не постареем, что никогда не умрем.

Когда прыгать уже не было сил, я села на пол у стены. Мне было насрать, что пол грязный, что на нем валяются бычки и прочая херня.

Влад отошел к стойке, вернулся с двумя открытыми бутылками пива, дал одну мне. Он сел на пол рядом со мной.

Я сделала глоток, обвела глазами клуб. Группа все еще играла. Несколько человек прыгали у сцены. У входа, почти рядом с охранником, стоял Саша. К нему подошел парень лет двадцати, что-то сказал. Саша поднял с пола рюкзак, и они вдвоем вышли.

Влад поднес свою бутылку пива к моей. Мы чокнулись, сделали по глотку. Влад сказал: – Давай уйдем.

* * *

Потом мы сидели на заднем сиденье в пустом трамвае. Я рассказывала Владу всякую ерунду – про то, как на первом курсе вступила в «Армию „Алиса“»⁵, потом спекулировала значками и пластинками «Шабаш» в «Гостином дворе», как потом разочаровалась во всем русском роке. Я могла говорить что угодно, слова ничего не значили. Имел значение только этот пустой трамвай. И мы в нем.

18

Влад

Меня разбудили три звонка. Потом еще три. Три звонка – это нам.

Оля не проснулась. Я осторожно, чтоб ее не разбудить, вылез из-под одеяла. Поднял с пола джинсы, надел.

Прошлепал босыми ногами по комнате, по коридору. Отпер входную дверь.

На пороге стоял Саша.

– Что случилось?

Он молча смотрел на меня.

– Что случилось?

Я сделал шаг назад. Он вошел.

– Пойдем на кухню. Можешь не разуваться. Все равно все соседи спят.

Он прошел за мной по коридору. Зацепился за трехколесный детский велосипед. Схватился за стену.

Я обернулся. Знаком показал ему не шуметь.

Мы сели на табуретки у окна.

– Я сейчас приду, – сказал я. – Схожу за сигаретами.

Когда я вернулся, Саша смотрел в одну точку: на вбитый в оконную раму гвоздь. К гвоздю была привязана веревка, протянутая через всю кухню. На ней сушились несколько пар мужских и женских трусов и черная майка Chanel.

Я сел на табуретку. Взял сигарету, закурил.

– Дай и мне, – сказал Саша.

Я дал ему сигарету. Он взял зажигалку, прикурил с третьего щелчка. Затянулся, кашлянул.

– У меня отобрали рюкзак с героином.

---

⁵ Фан-клуб рок-группы «Алиса», особенно многочисленный и активный в начале 1990-х.

Он еще раз затынулся. Снова кашлянул.

– Как это случилось?

– Я зашел в туалет. И меня кто-то сзади ударил по голове. Я упал, потерял сознание. Еще ударился головой. Вот здесь, – Саша засунул пальцы в волосы.

– Сколько там было героина?

– Весь, что они дали на продажу. Я дома ничего не оставлял, чтобы мама не нашла...

– Я еще раз спрашиваю: сколько там было?

– Они сказали, что я должен им отдать двадцать «лимонов». Все, что сверх этого – себе... И деньги тоже все забрали. Я успел продать три «дозы»... Что мне делать?

– Я не знаю, что делать. Ты понимал, на что идешь.

– Ты всех знаешь в клубе, ты мог бы поспрашивать, узнать...

– Ты шутишь? Что значит «всех знаешь»? В клубе полно «левого» народу. На каждом концерте я многих вижу в первый и последний раз.

В коридоре щелкнул замок. На кухню зашел дядя Жора из соседней комнаты, в салатовой майке-алкоголичке и черных «семейных» трусах с белыми пятнами спереди. В руке он держал пачку «Беломора» и коробку спичек.

Он подмигнул нам, подошел к раковине. Нагнулся, включил воду, попил. Сел на табуретку возле своего стола. Закурил «беломорину».

Мы с Сашей молча докурили. Бросили бычки в жестянки. Дождались, пока дядя Жора докурит и уйдет.

– Значит, ты думаешь, это бесполезно? – спросил Саша.

– Что бесполезно?

– Попытаться что-нибудь выяснить в клубе.

– Ну, а ты как думаешь?

– Знаешь, что, наверно, надо сделать? Позвонить им и честно сказать, что случилось. Может, они их сами найдут. По своим каналам. Да?

Я посмотрел на темноту за окном и два светящихся окна в доме напротив.

19

Оля

Я проснулась от шума и стука. Парень бандитского вида схватил со стола мой рюкзак, вытряхнул содержимое, заглянул в кошелек. В нем было несколько бумажек по тысяче и мелочь. Он швырнул кошелек на пол, выдвинул ящики стола.

Я была без линз и видела плохо. Я прищурилась, чтобы рассмотреть остальные силуэты. Узнала Сашу. Он стоял рядом с Владом. С ними были еще три парня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.